

DOI: 10.19181/smtp.2024.6.3.6

EDN: HDARGL

Научная статья

Research article

НАУЧНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ

**Черныш
Михаил Федорович¹**

¹ Федеральный научно-исследовательский социологический центр
РАН, Москва, Россия

Для цитирования: Черныш М. Ф. Научные приоритеты в текущей ситуации // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 3. С. 63–70. DOI 10.19181/smtp.2024.6.3.6. EDN HDARGL.

Аннотация. В российском управленческом классе сложился комплекс отношения к науке как к чему-то необязательному, а потому – в экономическом плане периферийному. В начале реформ активно продвигалась, даже несмотря на всю её абсурдность, идея перевода науки на самофинансирование. В дальнейшем предлагались разные варианты секвестра научного комплекса, сводившиеся к выделению в науке «главных направлений» и закрытию остальных, «необязательных». Этот «детский» менеджеризм привёл к тому, что российская наука не получала средств, достаточных для её воспроизводства, теряла кадры и шаг за шагом деградировала. В статье утверждается, что сама идея выделения ключевых направлений в общем поле науки порочна, потому что наука развивается по своим законам и на каждом отрезке времени заявляет новые значимые приоритеты, изменяющие жизнь обществ и представления об их будущем. Российская наука может сохраниться, только если изменится отношение к ней как тех, кто принимает решения, так и общества в целом.

Ключевые слова: наука, научные приоритеты, воспроизводство научных кадров, научные традиции, научный комплекс

RESEARCH PRIORITIES IN THE CURRENT SITUATION

Mikhail F. Chernysh¹

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russia

For citation: Chernysh M. F. Research priorities in the current situation. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(3):63–70. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.3.6.

Abstract. The Russian bureaucracy has come to view science as an activity that is beyond immediate utility and therefore, in economic sense, located in the periphery of distribution priorities. In the early days of the reforms, the bureaucracy came up with an obviously absurd idea of making science commercially self-sustainable. Later on, the idea of reducing public financing of science led to the plans to define the so-called “research priorities” and closure of other less promising fields of research. This “childish” managerialism resulted in the underfunding of Russian science and consequently in the loss of cadres and general degradation. The article states that the idea of foreknowledge by reducing science to several key directions is fallacious in itself. Science chooses its own priorities in each period of its development. These priorities tend to change the perception of science, its possibilities and the future of society. Russian science can only survive if both decision makers and society change their attitudes to it.

Keywords: science, research priorities, reproduction of research personnel, scientific traditions, research sector

Как остроумно подметил К. Маркс в эссе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «традиции всех мёртвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [1, с. 12]. Понятие «Gehirne», которое он включил в это высказывание, имеет в немецком не одно, а несколько значений, причём основным из них является всё-таки значение «мозг» в самом что ни на есть материальном смысле. Слова «ум» и «мозг» родственные и, казалось бы, переводчик верно передал смысл высказывания К. Маркса. Однако некоторые различия между двумя понятиями всё-таки имеются: если представить себе, что речь идёт именно о «мозгах», то открывается настоящая сила традиции, происходит её заглубление в общественное сознание, где она принимает форму образа мысли, стереотипов восприятия и соответствующих им способов действия. С раннесоветских времён в общественном сознании жило недоверие к «очкастым» интеллигентам, представляющим сомнительную прослойку, лелеющим буржуазные ценности, претендующим на особое к себе отношение. По мере того как советское государство крепло благодаря не только рабочим, но и учёным, а также инженерам, отношение к образованным людям становилось иным. Это не сняло прежних заблуждений, а лишь усугубило противоречивость общественных верований в отношении интеллигенции, прежде всего научной.

Эта противоречивость заявила о себе в полную силу в ходе перестройки: реформаторы инстинктивно тяготились учёными, которые любили «пить чай», всё время говорили не то, что хотелось слышать, подвергали аргументированной критике практики, которые считались архиважными для формирования имущего класса. Отсюда постоянные попытки реформ науки, причём обязательно в сократительном ключе. «Лузеры в потёртых пиджаках», продолжавшие ходить на работу, несмотря на сокращение финансирования, вызывали в новых элитах настоящее раздражение: неужели они не понимают, что та, прошлая наука закончилась, а новая будет рыночной, обслуживающей бизнес. Всё, что делалось для секвестра российской науки,

делалось с опасением. В наследство нашей стране достались огромные научные мощности, гигантский комплекс, нацеленный на продвижение как фундаментальных исследований, так и тех проектов, которые напрямую работали на интересы государства. Наука, столь продвинутая, имела только у самых развитых стран и, очевидно, была тем фактором, который и помогал им оставаться в лидерах. Окончательное решение научного вопроса признавалось на тот момент политически нецелесообразным. Поэтому науку реформировали шаг за шагом, урезая финансирование, выдавливая учёных из отрасли, отсылая их лёгким взмахом руки в эмиграцию, раз за разом демонстрируя им, что они – обуза для государственного организма. Именно этим можно объяснить регулярно появлявшиеся в общественном обороте планы по выделению в науке «наиболее перспективных направлений». Список этих направлений варьировался, но центральная идея оставалась прежней: развивать несколько ведущих отраслей, а остальным предоставить возможность тихо отмереть.

Ключевой вопрос, на который никто не мог дать определённого ответа: какие отрасли оставить, а какие – обречь на вымирание? Надо сказать, что сокращение научного комплекса – это нетривиальная интеллектуальная задача, адекватное решение которой вряд ли может быть найдено. Одно из возможных решений «тришкиного кафтана» заключается в том, чтобы отрезать какую-либо часть, сохранив именование за тем, что останется. В случае с наукой такое решение не представлялось возможным: по мере сокращения наука просто переставала существовать, а присваивать новое имя пустоте не решились даже издавшие виды «молодые реформаторы». «Оптимизируя» науку, пошли проторенной дорогой: в приоритетные направления зачислять то, что осталось в наследство от советской эпохи в более или менее рабочем состоянии. В этот список последовательно включали ядерные исследования, космос, энергетику, добавляя к ним то, что, как тогда казалось, станет основой для новаций, например, биотехнологии. Обсуждение «приоритетных направлений» затягивалось и вдобавок к твёрдой «советской» основе пришлось добавлять новые «модные» направления, такие как нанотехнологии.

Пока в России обсуждались приоритетные направления, ландшафт мировой науки постоянно менялся. Вначале, во втором десятилетии нового века, на первый план стали выходить научные направления, имеющие отношение к computer science. На самом деле они в той или иной форме присутствовали в разных списках и раньше, но в число «модных» и остро необходимых вошли только в последнее время, благодаря бурному развитию сетевых технологий. Симптоматично, что в список основных отраслей ни разу не вошли общественные или гуманитарные науки. Надо полагать, что составители списка исповедовали марксистский подход к делу: главное – это экономический базис, а сознание к нему приложится. Между тем, как было показано многими исследованиями и существующими практиками, общественные науки способны пролить свет на многие из тех проблем, с которыми сталкивается современное общество. С середины 1990-х гг. в общественной науке активно расширяла свои владения тематика идентичности. Утверждалось, что идентичность – это конструируемая реальность и что

манипуляция идентичностью находится в центре современных социальных конфликтов и противоречий, включая конфликты цивилизационного характера. В общественной науке предметом острых дебатов стали вопросы, относящиеся к области культуры. Сильная культурная программа, получившая прописку в социологии, находила доказательства существования новых старых оснований социальной структуры. От культурной программы общественная наука – и прежде всего социология и экономика – перешла к исследованию институтов, открывая по ходу дела невидимые, но всё же от этого не менее влиятельные механизмы формирования нормативной базы социального действия. В свете этих новых областей изучения старые потуги представить социальный мир как совокупность рациональных решений стали выглядеть как-то по-детски, и это вынуждены были признать даже самые упрямые адепты теории рационального выбора. Социальный мир подвижен, наполнен мотивами, не имеющими очевидных референтов в материальной среде, и готов сопротивляться любой идее поставить его под полный контроль. Российская наука занималась всеми этими вопросами в той степени и с той глубиной, которые позволял уровень финансирования, а он, как уже говорилось выше, был невысок.

Идея определить приоритетные направления по-прежнему витает над российской наукой. Понимать происходящее в науке всё же легче, если знаешь, что главное, а что подчинённое, где надо деньги не жалеть, а где подсократить. Попытки определить внутреннюю структуру российской науки несколько не отменяли традиции, о которой говорилось выше. Утвердившееся в бюрократическом сознании убеждение, что расходы на науку второстепенны, имели пагубные последствия, намеренные и непреднамеренные. Одним из непреднамеренных (а, возможно, для кого-то и намеренных) последствий стала деградация статуса научного знания и, соответственно, статуса учёного в российском обществе. Если заработные платы учёных, имеющих высшую научную квалификацию, значительно ниже доходов управленца среднего звена в коммерческой структуре, то рассчитывать на приток в науку молодых кадров не приходится, а вот отток не только возможен, но и практически неизбежен. Оставшиеся кадры зарабатывают на жизнь так, как могут, в той мере, в которой им это позволяют здоровье и уровень квалификации. Но эту эквилибристику «на грани выживания» вряд можно рассматривать как основу для формирования ролевых моделей поведения, что особенно важно для молодых людей, выбирающих область приложения сил. О том, что кадровая динамика в российской науке отрицательная, говорят данные статистики: каждый год наука теряет от 2 до 5 тысяч научных работников [2]. Может показаться, что это немного, но важны ведь не только цифры, но качество потерь. Из российской науки вследствие проводимой политики сокращений вымываются наиболее квалифицированные кадры – какие-то по естественным причинам, в силу возраста, а какие-то потому, что в мире сетевых взаимодействий для талантливых учёных всегда отыскиваются варианты трудоустройства за рубежом. Факт остаётся фактом: вопреки бодрым рапортам ответственных лиц российская наука слабеет, её возможности сужаются.

Параллельно зреет кризис в системе высшего образования. Это только в простоте, которая хуже воровства, можно считать, что наука и вузы существуют сами по себе. Они находятся в теснейшем взаимодействии, хотя, возможно, и не так, как хотелось бы чиновникам, держащим Америку за образец. Науку необязательно институционально перемещать в университеты, тем более что цена таких перемещений будет во всех смыслах запредельной. Университеты и Академия наук и так взаимодействовали во все времена, формируя кадровые потоки от университетов к академии и в обратном направлении – от большой науки к образованию. Если в кадровом отношении слабеет наука, то неизбежно ослабевает кадровый костяк высшего образования, и наоборот. Иными словами, грядущий кризис, первые признаки которого уже налицо, носит целостный, а значит, наиболее опасный для общества характер. Если продолжать двигаться по инерции, по сложившейся «остаточной» для науки традиции, то качественные изменения наступят даже раньше, чем все мы думаем, в масштабе одного десятилетия. Как явлено нам текущей ситуацией в производственных отраслях экономики, подготовка квалифицированных кадров – дело крайне непростое и протяжённое по времени. Легко разбросать камни, но собрать сложно, особенно если тех, кто собирает, либо нет совсем, либо слишком мало.

Было бы неверно думать, что увеличение финансирования решит все проблемы российской науки и её статуса в обществе. Полноценное обеспечение научной деятельности в разных её формах – это не главное условие, но условие *sine qua non*, без которого все остальные шаги либо невозможны, либо недостаточно эффективны. Второй, не менее важный вопрос мог бы звучать следующим образом: как распределять выделяемые на науку средства? Герхард Ленски, изучавший разные модусы функционирования систем распределения, пришёл к выводу, что переток фондов в пользу высших ступеней стратификации в значительной степени зависит от объёма распределяемых средств [3]. Иными словами, чем меньше средств выделяется на отрасль, тем сравнительно больше выгоды получают те, кто занимает в отрасли высокие административные позиции. При этом шаги, воплощённые принципом уравнительного распределения, положительного эффекта не приносят. В работе, посвящённой социальным конфликтам, Ральф Дарендорф именовал эту закономерность парадоксом Мартинеса [4]. Министр правительства сандинистов в Никарагуа Александр Мартинес сделал смелую попытку учредить равное распределение имевшихся у государства скудных ресурсов, но получил в ответ всю ту же нищету, коррупцию и упадок экономики. Неравенство между руководителями академических учреждений и учёными, не занимающими административных позиций, в приказном порядке можно несколько сократить, но снять эту проблему можно только в том случае, если вся наука и все задействованные в ней кадры будут получать достойные заработные платы, причём не на бумаге, не в рапортах, а в реальных зарплатных ведомостях.

Почему приходится столько говорить о финансировании? Почему, говоря о науке, которую Макс Вебер назвал «призванием», мы настойчиво напоминаем о материальном факторе? Наверное, потому, что острейшей проблемой сегодняшней российской науки является воспроизводство. В об-

щественной науке понятие «воспроизводство» относится сразу к нескольким аспектам социальной жизни – воспроизводство в структурном измерении, воспроизводство инфраструктуры, воспроизводство статусов. О структурном аспекте говорилось выше: российская наука нуждается в притоке молодых людей, талантливых, ищущих, готовых посвятить ей свою жизнь. В этой среде молодых учёных должны быть люди, идущие по сетке должностных и статусных позиций, работающие над кандидатскими и докторскими диссертациями. Однако, кроме этого, необходимо воспроизводство или даже развитие инфраструктуры научной деятельности – создание условий для исследований и постановки экспериментов, которые были и есть ключевой научный метод. Речь идёт о лабораториях, соответствующих современным требованиям, приборах и установках, научных станциях, кораблях науки и ещё о многом из того, что сейчас либо утрачено, либо запущено. Средства, направленные на воспроизводство и развитие научной инфраструктуры, должны идти отдельной строкой, не нужно путать их с зарплатными фондами. И, наконец, важно, чтобы наука воспроизводилась как измерение социальных статусов, почётных и уважаемых. В советское время статус учёного был действительно высок, сейчас это не так. Эту ситуацию можно и должно изменить, если российское общество рассчитывает развиваться, видеть себя не только в прошлом, но и в будущем.

Теперь вернёмся к технологическим приоритетам, если рассматривать эту проблему как действительно существующую. В полемике между Нильсом Бором и Альбертом Эйнштейном ключевым, как известно, был вопрос о том, играет ли Всевышний в кости или у него всё расписано на много миллиардов лет вперёд. Если упрощать, то в той давней повестке сошлись, не соглашаясь, сторонники реализма и феноменологии в её физическом изводе. Если говорить не только о науке, но и о жизни в целом, то надо признать, что реализм, делавший ставку на законы и предсказуемость, себя не слишком оправдал. Рисуя картину будущего коммунистического счастья, облачая это счастье в материальные показатели, советская власть планировала бесконечно увеличивать производство чугуна и стали, но оказалось, что сталь в таких количествах не нужна, а необходимо развивать производство современных пластических материалов, лёгких и прочных. В 1960-е гг. физики видели в обозримом будущем осуществление идеи термоядерного синтеза, способного создать изобилие экологически чистой энергии. Другие мечтали о сверхпроводимости, которая поможет избежать гигантских потерь при её передаче на далёкие расстояния. Ни то, ни другое не было реализовано и, по-видимому, не будет реализовано в ближайшие годы. В то же время неожиданно приоритетными стали биологические и биотехнологические направления, создавшие основу для «зелёной революции». И уж никто не смог в начале века предсказать появление искусственного интеллекта и той скорости, с которой эта идея захватит учёный мир. В научных и технологических прогнозах надо сохранять возможности «игры в кости», финансируя классические, фундаментальные отрасли, оставляя за наукой возможность открывать новые направления, в которых научная «классика» и новые области будут сходить-ся, рождая новые приоритеты, важные как для науки, так и для общества.

Но делать это можно, только оставляя за наукой право делать то, что сегодня кажется бесполезным, а кому-то и бессмысленным. России крупно повезло в том, что, несмотря на все реформы, в ней сохранились кадры микробиологов, способных в самые короткие сроки создавать эффективные вакцины против тяжёлых, смертельных заболеваний. Россия стала одной из первых стран, создавших эффективную вакцину против COVID-19, но этого не произошло бы, если бы возобладала привычная чиновничья логика секвестра. И действительно, зачем с точки зрения российского чиновника нужны научные институты и научные центры, занятые исследованием инфекционных заболеваний и производством вакцин, если в США и других развитых странах всё уже есть – и вакцины, и эффективные препараты от всех болезней?

Если говорить о настоящих, а не выдуманных приоритетах, то таковым может и должно стать сохранение научных сообществ в рамках уже существующих в науке направлений. Если сохранятся учёные и за ними останется возможность продуктивной совместной работы, то российская наука выживет и будет развиваться, несмотря на все постигшие её трудности. Из существующих направлений будут естественным образом возникать, подчиняясь логике развития самой науки, новые направления, новые коллективы, открывающие новые проекты. Это не будет происходить, если ручейки научной мысли станут пересыхать от недофинансирования или отсутствия нормальной базы для эксперимента. В интересах России сделать так, чтобы остановить процесс деградации научного комплекса, сохранить его как залог развития страны и её усиления в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. М. : АСТ, 2021. 224 с. ISBN 978-5-17-137154-8.
2. *Скуратов А. К., Зубарев А. П.* Прогноз численности исследователей в Российской Федерации к 2024 году // Вопросы статистики. 2019. Т. 26, № 12. С. 61–72. DOI 10.34023/2313-6383-2019-26-12-61-72. EDN GSZKAL.
3. *Lenski G. E.* Power and privilege: A theory of social stratification. N. Y. ; St. Louis ; San Francisco ; Toronto ; L. ; Sydney : McGraw-Hill, 1966. xiv, 485 p.
4. *Dahrendorf R.* The modern social conflict: An essay on the politics of liberty. N. Y. : Weidenfeld & Nicolson, 1988. xvi, 219 p. ISBN 9780297793571.

REFERENCES

1. Marx K. The eighteenth Brumaire of Louis Napoleon. Moscow : AST; 2021. 224 p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-137154-8.
2. Skuratov A. K., Zubarev A. P. Forecast of the number of researchers in the Russian Federation by 2024. *Voprosy statistiki*. 2019;26(12):61–72. (In Russ.). DOI 10.34023/2313-6383-2019-26-12-61-72.
3. Lenski G. E. Power and privilege: A theory of social stratification. N. Y. ; St. Louis ; San Francisco ; Toronto ; L. ; Sydney : McGraw-Hill; 1966. xiv, 485 p.

4. Dahrendorf R. The modern social conflict: An essay on the politics of liberty. N. Y. : Weidenfeld & Nicolson; 1988. xvi, 219 p. ISBN 9780297793571.

*Поступила в редакцию / Received 25.06.2024.
Одобрена после рецензирования / Revised 17.07.2024.
Принята к публикации / Accepted 14.08.2024.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Черныш Михаил Федорович *chernysh@fnisc.ru*

Член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия
SPIN-код: 7057-8292

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail F. Chernysh *chernysh@fnisc.ru*

Corresponding member of the RAS, Doctor of Sociology, Director, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-8169-0933

Scopus Author ID: 55954329200

Web of Science ResearcherID: B-5133-2016